

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 23 (1134). Суббота, 26 мая 1945 г. Цена 45 коп.

Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии

24 мая правительство Союза ССР устроило в Кремле прием в честь командующих войсками Красной Армии.

В 20 часов гости заполняют Георгиевский зал Большого Кремлевского Дворца.

Всего две недели прошло с того памятного дня, когда весь мир облетела радостная и волнующая весть о победе.

Под ударами Красной Армии и войск союзников рухнула разбойничья гитлеровская Германия.

Сегодня древний Кремль встречает победителей. Все они — от рядового бойца до маршала — славные питомцы великого Сталина.

Вся страна, весь советский народ законно гордятся своими полководцами и солдатами: они одержали победу в войне, какой еще не знала история.

20 часов. Собирающиеся стой, бурными, как не смолкающими аплодисментами встречают появление в зале товарища

И. В. Сталина, товарищей В. М. Молотова, Н. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, Н. С. Хрущева, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева, А. И. Микояна, Н. М. Шверника, Л. П. Берия, Г. М. Маленкова, Н. А. Булганина, Н. А. Вознесенского.

В зале водворяется тишина. Товарищ Молотов приглашает маршалов Советского Союза занять места в президиуме.

Товарищ В. М. Молотов обращается к собравшимся с краткой речью:

Товарищи, правительство устроило настоящий прием с участием выдающихся деятелей социалистического строительства, науки и искусства в честь командующих войсками Красной Армии.

В едином порыве собравшиеся встают и устрояют горячую овацию в честь великого вождя, учителя и полководца.

Товарищи, наша армия, — продолжает тов. Молотов, — оказалась достойной нашего социалистического государства, оказалась достойной великой миссии освобождения Европы от германского фашизма.

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

тами, приветственными возгласами в честь великого Сталина, в честь доблестной Красной Армии — победительницы.

Товарищ В. М. Молотов, обращаясь к гостям, говорит:

Делегация польских горняков, тепло приветствуемая собравшимися, направляется к президиуму.

Товарищ Молотов поднимает тост за здоровье всеми нами любимого Михаила Ивановича Калинин, выдающегося представителя русского народа.

Товарищ И. В. Сталин, обращаясь к гостям, говорит:

Я предлагаю тост за руководителей нашей внешней политики Вячеслава Михайловича Молотова. Не забывайте, что хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две три армии на фронте.

Зал устрояет горячую овацию в честь товарища Молотова.

Товарищ Молотов обращается к собравшимся с предложением поднять тост за командующих войсками Красной Армии.

Я должен назвать, прежде всего, имя товарища Жукова, — говорит товарищ Молотов. — С именем товарища Жукова связаны героическая защита Москвы, оборона Ленинграда, освобождение столицы дружественной Польши.

В зале снова раздается взрыв аплодисментов в честь доблестной Красной Армии и ее полководцев.

Товарищ Молотов предлагает тосты за маршала Конева — героя боев на Украине, освободителя Праги, полководца, войска которого вместе с войсками маршала Жукова ворвались в Берлин; за маршала Рокоссовского — героя Сталинградской битвы, которая явилась историческим поворотом в нынешней войне.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа! (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

Во время приема для гостей был дан большой концерт, в котором приняли участие лучшие артистические силы столицы.

1 стр. Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии. Письмо товарищу Сталину от участников пленума Правления Союза советских писателей. Аркадий Кулешов. Баллада о подкове.

2 стр. Десятый пленум правления Союза советских писателей СССР. Прения по докладу: Н. Тихонова и содокладам А. Кононова, Н. Погодина и А. Суркова. Заключительное слово Н. Тихонова.

3 стр. Демьян Бедный Л. Субочкий. Герой-современник. Малек Габдуллин. Истоки мужества. О. Берггольц. Путь к зрелости. А. Б. Сокровища украинского народного творчества.

4 стр. Андрей Улитс. Русские писатели на латышском языке. Азиз Шариф. Выдающийся азербайджанский писатель (А. Ахвердов). П. Антокольский. Открытое письмо Жан-Ришар Блоку в Париж. В. Потапов. «Лев Гурвич Синичкин». Информационная.

Плакаты художников А. Кокоркина и А. Соколова, выпускаемые издательством «Искусство».

Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В радостные и великие дни, завершающие героическую борьбу нашего народа против немецко-фашистских захватчиков, мысли и сердца советских писателей обращены к Вам, мудрому вождю нашего героического народа.

Словами пламенной сыновней любви и восхищения приветствуем мы Вас, самого чуткого и самого заботливого друга советской литературы.

Оглядываясь на путь, пройденный многонациональной советской литературой в годы войны, мы видим, что в дни суровых испытаний советские писатели как мастера слова и как граждане, нашли свое место в рядах защитников великого Советского Отечества.

Словами пламенной сыновней любви и восхищения приветствуем мы Вас, самого чуткого и самого заботливого друга советской литературы.

Сотни книг, выпущенных в годы войны на всех языках народов Советского Союза, повести, рассказы, очерки, поэмы, стихи, напечатанные в центральной, областной, фронтовой, армейской и дивизионной печати, посвященные теме победы над врагом, еще раз показали, что в нашей стране литература служит народу и участвует в его борьбе.

Мы глубоко верим, что лучшее из созданного советскими писателями в годы войны станет основой для появления новых литературных произведений, в которых во весь рост встанут величайшие новшества, героизм, самопожертвование и беззаветная отвага, проявленные нашим великим народом в этой дребывало жестокой и кровавой войне против немецкого фашизма.

«Комсомольская правда» формировала сознание советского молодого человека, выковывала в нем качества большевика, строителя новой жизни, строителя социализма.

«Комсомольская правда» будет неутомимым глашатаям идеи единства старой и молодой гвардии большевиков!

В годы Великой Отечественной войны со страниц «Комсомольской правды» набатым колоколом прозвучали призывы встать грубо на защиту свободы и независимости социалистического отечества.

«Комсомольская правда» будет неутомимым глашатаям идеи единства старой и молодой гвардии большевиков!

Сила нашей революции в том, что у нас нет раскола между старым и новым поколением революционеров. Мы побеждаем!

Жизнь одной судьбой, одними думами и надеждами с народом, наши писатели в суровое военное время идейно и творчески возмужали, обогатились огромным запасом живых наблюдений над жизнью и борьбой героических соотечественников.

Из среды мастеров победы — воинов и труженников — уже приходят в наши ряды новые молодые силы.

Нарядя Ленину — Сталина позвала нас под знамя борьбы за создание советской литературы.

Большевистская партия, вооружив нас учением Ленина — Сталина, открыла перед советскими литераторами горизонты беспределельных творческих возможностей.

Да здравствует наша любимая, могучая Родина — Союз Советских Социалистических Республик!

Да здравствует наш великий народ-победитель!

Да здравствует наша победоносная героическая Красная Армия!

Да здравствует славная большевистская партия!

Да здравствует наш любимый, великий, вождь товарищ Сталин!

По поручению Пленума правления Союза советских писателей СССР: Н. Тихонов, С. Чиковакин, В. Вишневский, Н. Зарьян, А. Далева, Г. Габдуллин, К. Федин, А. Маршак, Л. Леонов, Н. Погодин, Ф. Гладков, Лебедев-Кумач, В. Герасимова, С. Муканов, Улуг Заде, П. Антокольский, М. Рыльский, С. Самед Вургул, А. Сурков.

Аркадий КУЛЕШОВ БАЛЛАДА О ПОДКОВЕ

Стук дятла, звонкое ку-ку Встречались с утром ранним. В тот час поспал леснику Подкова на поляне.

Смотри вон — окна вдаль глядят, — На век твой хватит смелю. Век косы под стрехой висят Четвертый год без дела.

Лесник не верит сам себе, Несет скорее косы. С косой — один, с косой — второй, Как до войны когда-то. Одна осталась под стрехой, Одна коса не снята.

И поднимается «У-2», Над дубом пролетает. Короткий кончил привал, К полудню все готовы. Велет отважный генерал Бойцов на бой суровый.

От Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) с прискорбием извещают о смерти талантливого русского поэта-баснописца ДЕМЬЯНА БЕДНОГО (Придворова Ефима Алексеевича), боевое слово которого с честью служило делу социалистической революции.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б).

Прения по докладу Н. Тихонова и содокладам А. Кононова, Н. Погодина и А. Суркова

ВОЕННАЯ ТЕМА

22 мая продолжались прения по докладу Н. Тихонова и содокладам А. Кононова, Н. Погодина и А. Суркова.

С речью, посвященной послевоенным задачам советской литературы, выступил Всеволод Вишневский.

Напомним о событиях, последовавших после первой мировой войны, о сложной современной международной обстановке, о предостережении писателей от духовной, идейной, литературной демобилизации.

Война родила высокое уважение к ремеслу дала в нашей стране, к нашим воинам. Мы будем развивать, растить, беречь и колить нашу армию и будем параллельно создавать великую литературу, которая бы соответствовала желаниям и позиции Советского Союза.

Надо использовать все средства, чтобы Союз советских писателей и впрямь правильно строил свою военную работу, работу военной комиссии, органов печати. Нужно привлекать молодое поколение, будущим суворовцам и нахимовцам, высокие традиции военной славы России и Советского Союза. Нужно средствами литературы, театра и кино широко привлекать органическую связь народа с армией и флотом нашей страны; способствовать тому, чтобы в зарубежных странах нас правильно понимали и лучше узнали наших людей, наше государство.

Надо поздравить и о почитании писательских рядов: потеря 140 писателей, погибших на фронтах Отечественной войны, — тяжела. Надо ее возместить, шире привлекать новых авторов. Должна быть шире развернута литературная критика, нужно способствовать выявлению различных мнений и оценок художественных произведений.

О ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КНИЖЕ

Много внимания уделено было на пленуме проблеме советской художественно-исторической литературы. В частности, говорил об этом С. Голубов. Одна из главных задач исторических романов — в том, чтобы объяснить, как совершилось превращение прошлого в настоящее. Исторические романы в писательской среде умеют объяснить настоящее, но не умеют объяснить прошлое. Это — большая трудность, которую предстоит преодолеть будущему. С этой трудностью и должны справиться исторические романы.

Говоря о героическо-художественно-историческом произведении, С. Голубов подчеркивает, что для исторического романа герой должен быть выразителем духа описываемой эпохи. К сожалению, не все наши исторические романы отвечают этому требованию. С этой точки зрения С. Голубов резко критикует роман К. Гамсахурдиа «Давид Строитель». Принадлежность интриги, детали военных столкновений и обильный реквизит — разны, драгоценности, оружие — заполняют страницы романа. Народ, вышедший на себе тяжесть битв и последствия привлекательных интриг, его труд, кровь и слезы не занимают автора. Эпоха, показанная столь внешне и поверхностно, остается нераскрытой.

Отрицательную оценку дает С. Голубов и последнему роману С. Сергеева-Ценко «Брюсовский прощанье» и «Пушки выдвигают». Их недостаток, по мнению С. Голубова, возникает главным образом вследствие упрощенного понимания автором его задачи: вдохновившись духом героического самопожертвования, который владел значительной частью русской армии в период войны 1914 года, Сергеев-Ценский затухает обществу и писателю того времени.

ЛИТЕРАТУРА ДОЛЖНА БЫТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ

В последнее время, когда победа становится для нас все более явной в своих очертаниях, — говорит Маргарита Алигер, — я очень много думаю о том, как будет назначено нашей литературе, каковы будут ее задачи и обязанности. У нас была распространена мысль о том, что литература должна стать великим утешителем, что она должна сказать людям какие-то слова, помогающие их душам. Есть люди, которые в минуты потрясения прибегают к помощи валерьянки, но мне ближе другое средство помощи, которым в тяжелую минуту больше помогает горячее, дружеское рукопожатие.

Мне кажется, что при заветывании душевных ран литература должна быть рукопожатием, а не валерьянкой.

Поэма Антокольского «Сны» — это рукопожатие, а повесть Симонова «Гордый человек» — о том, что еще ничто не кончено и ты еще можешь быть замучен за главного инжнера завода, пусть туберкулезного, но хорошего человека, — это не рукопожатие, это валерьянка.

Симонов очень чуткий писатель. «Жди меня» было написано в очень нужный момент и Симонов этот момент почувствовал. Но когда он перешел к «Жди меня» в расставившемся на четыре акта драматическое произведение, ничего из этого не получилось. Главное для литературы — открывать людям большие, главные истины, укреплять их оптимистическое мировоззрение.

Этот оптимизм — выражение высокой идейности и большого духовного богатства. Поэтому литература должна быть сейчас очень интеллектуальной, она должна ставить острые вопросы, давать больше пищи для размышлений. Поэтами, — говорит далее М. Алигер, — за годы войны сделали очень много настоящего и бесконечно дорогого каждому, кто любит поэзию. В частности, мне кажется, что Твардовский дал еще очень много всей нашей литературе: не то, что он сказал и обещал сказать в дальнейшем в «Теркин», стоит очень много замислов и описательных намеков. Очень богата наша поэзия и работа. Малюшка за годы войны: значительная часть этой работы еще не известна читателю — Маршак перевел огромное количество произведений английских поэтов и в том числе перевел сонеты Шекспира.

Основное, что мы должны делать, — подчеркивает в заключение М. Алигер, — это говорить, писать и думать о больших чувствах.

НАШИ ПЕСНИ БУДУТ ЖИТЬ МНОГИЕ ГОДЫ

Наша поэзия, — говорит Е. Долматовский, — оказалась подготовленной к войне. Она стала на службу родине. Есть песни, живущие сейчас — и я думаю они будут жить многие годы. Это — «Священная война» Лебедева-Кумача, «Города и хаты» Исаковского, «Смелого пуля боится» Суркова. Эти песни были написаны через час после выступления товарища Молотова, и мы прошли с ними всю войну и сейчас мы поем их.

Очень важно, что во время войны у нас звучали голоса всех поэтов, независимо от того, кто из них был на фронте, а кто — в тылу. Характерно, что в совершенно новом и знаменательном качестве проявила себя Анна Ахматова. Ахматова показала себя как глубоко современный поэт.

Считавшийся книжником П. Антокольский стал поэтом со многими чертами трибуны, которые подняли и возвысили его. Политически остры и актуальны новые вещи Демьяна Бедного. В новой форме показал себя Маршак. Многие сделали за эти годы Микшаева. Хотелось бы сказать, что поэзия, победившая на войне, — Джек Алтауэра, Лебедева, Стрельченко и многих других, которые проявили себя доблестными воинами не только в своем творчестве, но и в жизни.

Во время войны немцы захватили огромную часть нашей территории. Но нашу культуру, нашу литературу, нашу поэзию они не могли сломить. Они не смогли отнять у нас ни одной песни. Я собрал песни, которые пели наши люди на оккупированной территории и в немецкой лагерях. Это огромный фольклор, насчитывающийся до 300 песен. Почти все они созданы на канве наших популярных советских песен. Это тоже заслуга советской поэзии.

Наша поэзия приобрела широкий международный резонанс: советских поэтов переводят польские, болгарские, югославские поэты, по литературе нашей узнают нашу страну за рубежом.

Мне кажется, что сейчас наступает период особенного расцвета нашей литературы.

О ТЕМАТИКЕ ПОЭЗИИ

Ряд вопросов поэзии ставит в своем выступлении А. Прокофьев. Он говорит о том, что часто писатели, работающие вне крупных центров, выпадают из круга зрения литературной общественности и они не попадают на страницы столичных журналов.

Мне кажется, что при заветывании душевных ран литература должна быть рукопожатием, а не валерьянкой. Поэма Антокольского «Сны» — это рукопожатие, а повесть Симонова «Гордый человек» — о том, что еще ничто не кончено и ты еще можешь быть замучен за главного инжнера завода, пусть туберкулезного, но хорошего человека, — это не рукопожатие, это валерьянка.

Симонов очень чуткий писатель. «Жди меня» было написано в очень нужный момент и Симонов этот момент почувствовал. Но когда он перешел к «Жди меня» в расставившемся на четыре акта драматическое произведение, ничего из этого не получилось. Главное для литературы — открывать людям большие, главные истины, укреплять их оптимистическое мировоззрение.

Этот оптимизм — выражение высокой идейности и большого духовного богатства. Поэтому литература должна быть сейчас очень интеллектуальной, она должна ставить острые вопросы, давать больше пищи для размышлений. Поэтами, — говорит далее М. Алигер, — за годы войны сделали очень много настоящего и бесконечно дорогого каждому, кто любит поэзию. В частности, мне кажется, что Твардовский дал еще очень много всей нашей литературе: не то, что он сказал и обещал сказать в дальнейшем в «Теркин», стоит очень много замислов и описательных намеков. Очень богата наша поэзия и работа. Малюшка за годы войны: значительная часть этой работы еще не известна читателю — Маршак перевел огромное количество произведений английских поэтов и в том числе перевел сонеты Шекспира.

Основное, что мы должны делать, — подчеркивает в заключение М. Алигер, — это говорить, писать и думать о больших чувствах.

НАШИ ПЕСНИ БУДУТ ЖИТЬ МНОГИЕ ГОДЫ

Наша поэзия, — говорит Е. Долматовский, — оказалась подготовленной к войне. Она стала на службу родине. Есть песни, живущие сейчас — и я думаю они будут жить многие годы. Это — «Священная война» Лебедева-Кумача, «Города и хаты» Исаковского, «Смелого пуля боится» Суркова. Эти песни были написаны через час после выступления товарища Молотова, и мы прошли с ними всю войну и сейчас мы поем их.

Очень важно, что во время войны у нас звучали голоса всех поэтов, независимо от того, кто из них был на фронте, а кто — в тылу. Характерно, что в совершенно новом и знаменательном качестве проявила себя Анна Ахматова. Ахматова показала себя как глубоко современный поэт.

Считавшийся книжником П. Антокольский стал поэтом со многими чертами трибуны, которые подняли и возвысили его. Политически остры и актуальны новые вещи Демьяна Бедного. В новой форме показал себя Маршак. Многие сделали за эти годы Микшаева. Хотелось бы сказать, что поэзия, победившая на войне, — Джек Алтауэра, Лебедева, Стрельченко и многих других, которые проявили себя доблестными воинами не только в своем творчестве, но и в жизни.

Во время войны немцы захватили огромную часть нашей территории. Но нашу культуру, нашу литературу, нашу поэзию они не могли сломить. Они не смогли отнять у нас ни одной песни. Я собрал песни, которые пели наши люди на оккупированной территории и в немецкой лагерях. Это огромный фольклор, насчитывающийся до 300 песен. Почти все они созданы на канве наших популярных советских песен. Это тоже заслуга советской поэзии.

Наша поэзия приобрела широкий международный резонанс: советских поэтов переводят польские, болгарские, югославские поэты, по литературе нашей узнают нашу страну за рубежом.

Мне кажется, что сейчас наступает период особенного расцвета нашей литературы.

О ТЕМАТИКЕ ПОЭЗИИ

Ряд вопросов поэзии ставит в своем выступлении А. Прокофьев. Он говорит о том, что часто писатели, работающие вне крупных центров, выпадают из круга зрения литературной общественности и они не попадают на страницы столичных журналов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА Н. ТИХОНОВА

Наш пленум состоялся в исторические дни, полные огромных событий. Он не был днем всего, что сделано можно было бы в это время. Такие дни можно было бы поздравить лишь в стране писателей. Наш пленум не был днем писателей. Мы сосредоточились свое внимание на задачах, стоящих перед нами в ближайшие дни. Мы должны были сделать много, что мы сделали. Мы говорили обо всем сразу. И о том, что делал каждый из нас вчера, и о том, что каждый из нас, думает делать завтра.

В речах выступавших чувствовалось и неудовлетворенность сделанным, и беспокойство писателя о самом главном в его работе, и ощущение новой грани времени. Война только что кончилась, естественно, что мы разбирали произведения, главным образом, посвященные войне.

Естественно было сегодня вспомнить все, что сделано советской литературой с первых ее дней. Новое состояние мира, великую победу нашего народа, мы снова ощущали, как торжество творческих идей Октября.

На пленуме проявились с новой силой единство советской литературы, чувство семьи единой, выступало много писателей братских республик. Нашу дружбу, мы скрепили на всех фронтах кровью и общей работой. Мы соединили души для общего подвига. Еще несколько лет назад мы знали многих писателей союзных республик только по именам. Мы знали длинные списки названий их произведений. Сегодня мы провалили сплоченный фронт, и стало ясно, что мы богаче, чем нам казалось.

Сегодня мы обсуждали целый ряд произведений, романов, повестей, поэм, стихов писателей и поэтов братских народов, которые в переводах стали широко известны советскому читателю. Наше единство — залог громадного развития советской литературы в ближайшем будущем, литературы, обогащенной всем, что пережил советский народ в годы испытаний.

Наша дружеские связи мы должны углубить и продолжить. Надо, чтобы каждое значительное произведение братских литератур немедленно становилось достоянием самого широкого читателя.

Мы посвятили много времени на пленуме вопросу о переводах. У нас имеется множество превосходных переводчиков. Боль-

ше, пока тот или иной писатель не обратится непосредственно к людям, решающим вопросы в судьбах литературы, как это сделала, например, Галина Николаева, стихи которой опубликованы в журнале «Знамя».

А. Прокофьев говорит о создании репертуара для колхозной самодеятельности и эстрады. Из-за недостатка квалифицированных сил на этом участке нередко процветает гурто-гурто.

Подробно останавливается А. Прокофьев на стихах, посвященных Ленинграду. — Можно с уверенностью сказать, — говорит он, — что в дни, когда вся страна жила судьбой Ленинграда, не было в России поэта, который не откликнулся бы стихом, адресованным герою-герою. Анализировать произведения О. Берггольд, А. Прокофьев подчеркивает, что ее стихи это поэзия людей искренности, эмоций, вдохновения. Но Берггольд, как и некоторые другие поэты, сосредоточена на мотиве страдания, бедствий людей осажденного города.

Н. Тихонов месяц за месяцем публикует в «Красной звезде» свои дниныки из осажденного Ленинграда, вошедшие частично в книгу «Ленинградский год». Эти были записи о борьбе Ленинграда, проникнутые любовью и яростью, и читать их было интересно и поучительно. Это не было любованием страданиями.

А. Прокофьев критикует ленинградский дневник В. Инбер. По его мнению, мир, показанный в нем, мал и не передает войну было как никогда тесным и действенным. Отечественная война дала громадный толчок развитию фольклора.

Говоря о фольклоре, А. Прокофьев подчеркивает: Народное творчество, связанное с Великой Отечественной войной, долго будет привлекать внимание наших писателей, ибо обилие их материалов и войну было как никогда тесным и действенным. Отечественная война дала громадный толчок развитию фольклора.

ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ЧЕРТЫ СОВЕРМЕННОСТИ

Ю. Юозовский посвятил свое выступление вопросам драматургии. — В основе доклада Погодина, — сказал Ю. Юозовский, — требования литературного качества, хорошего вкуса и т. п. Но доклад этот, — подчеркивает Ю. Юозовский, — не отражает реального соотношения сил и процессов в драматургии. Выше всего должно быть поставлено стремление драматурга уловить реальные жизненные явления.

15 лет назад, — говорит Ю. Юозовский, — когда в литературу входили Погодин и Вишневский, в театре шли пьесы Файко, Олени, Афиногенова и др., главенствовала тема интеллигентности. Но эта проблема ушла со сцены, и новые драматурги Погодина и Вишневский привели на сцену рабочих, крестьян, красноармейцев — реальных персонажей эпохи.

Сейчас в драматургию привнесены новые жизненные материалы. Например, моряки в пьесе Крона «Офицер флота» уже непохожи на героев пьес Вишневского. За эти 15 лет прозвучали серьезные сдвиги: люди, которые строили пятилетки в пьесах Погодина или боролись за коммунистическую власть в пьесах Вишневского, создали нынешнему поколению возможность жить и работать в иных условиях. Сотни тысяч и миллионы молодых людей овладели за эти годы огромной культурой. Это уже люди иной психологии, иного склада. И молодые драматурги пытаются показать их в своих, пусть еще очень несовершенных, пьесах.

Советские люди всегда живут завтрашним днем. Мы только что закончили большой исторический период, а завтра уже о завтрашнем дне. Эта мысль о будущем должна лежать в основе нашей литературы.

Вот этой точки зрения я и считаю, что главным — не скрупулезный разбор недостатков того или иного произведения, а умение видеть тенденцию, которой принадлежит будущее.

О «ДОВОДКЕ» ЗОЛОТА ЛИТЕРАТУРЫ

С интересной речью выступил в последний день пленум П. Бажов.

В добыче золота, особенно расслыго, важная роль в старательских артелях принадлежала так называемым доводчикам, т. е. тем, кто проводил последний этап отбора золотого песка. Это были самые опытные старатели, знавшие все сорта золота, почти точно различавшие его, определявшие весомости золота, его пробу. Но у нас, на Урале, земля не столько золотая, сколько нестрай. И однажды, помимо установленных уже сортов, была обнаружена новая группа совсем белого золота. Сначала возник вопрос — куда его отнести? Обратились в контору. Там не принимали: нам такого не надо. Потом нашлись люди, которые стали пробовать обмывками в хлорное золото, закрепляли купоросом. Сначала за эту белую купу платили по 2 копейки, потом по 8, потом по 40, а потом оказалось, что эта купу в 8 раз ценнее золота: это была платина. 100—150—200 лет сбрасывали, как негодные, черные шлихи. А когда стали проверять эти шлихи, в них оказались редкие металлы, во много раз превосходящие по ценности золото и платину.

В нашем золотом деле — в литературе роль доводчиков огромна. Все изменилось вокруг нас, а мерки часто остаются старыми. Появятся какие-нибудь литературные произведения, подойдут к нему со старой меркой, прикладывают — не золото. Ну и что же, что не золото? Может быть это шлик? И наши старательские доводчики обязаны вечно стараться отыскивать эти шлихи, изучать их свойства, потому что они могут оказаться дороже золота. Я хочу сказать, что главной заслугой нашей критики должно стать умение отыскивать то новое, что естественно возникает в нашей советской литературе.

Необходимо, — заключает К. Султанов, — чтобы национальная комиссия Союза писателей, подобно областной комиссии, вызвала писателей с мест и участвовала в издательских государственных издательствах. Они находятся под гнетом дагестанской газеты, которая объясняет недостаток их произведений тем, что они создавались в напряженных условиях. Но можно ли этим объяснять халтуру? Разве «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, или «Народ бесмертен» Гроссмана были написаны на курорте? Секрет тут прост — редактор газеты является тем же человеком, что редактировал книги Трунова и Фатуева. Это, разумеется, частный случай, но с такими явлениями мы обязаны бороться.

Вот этой точки зрения я и считаю, что главным — не скрупулезный разбор недостатков того или иного произведения, а умение видеть тенденцию, которой принадлежит будущее.

Вот этой точки зрения я и считаю, что главным — не скрупулезный разбор недостатков того или иного произведения, а умение видеть тенденцию, которой принадлежит будущее.

ПРЕПНУТ ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ

О растущих творческих связях московских писателей с писателями, живущими в краях и областях Советского Союза, говорит А. Карцев. Он указывает на недостаточное внимание критики к произведениям, выпускаемым областными издательствами, а также на бедность критических кадров на местах.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДОВ

Со всей остротой был поставлен в выступлениях писателей — представителей братских республик вопрос о переводах.

— Я заранее прошу прощения у поэтов-переводчиков, — заявил Камилл Султанов (Дагестан), — что осуждаюсь как бы защищая их. Они не нуждаются в защите. Но когда речь заходит о литературе народов СССР, у нас часто говорят о поэтах-переводчиках недостаточно уважительно. А надо ли доказывать, как необходимо, важна и в большинстве случаев, добросовестна их работа. Даже тогда, когда поэт-переводчик не знает языка, если ему удается постигнуть дух оригинала и если ему близка творческая индивидуальность поэта, — это перевод удачи. В дагестанском, например, 38 языков, есть аулы, языка которых не понимают жители соседних аулов. Но если именно в таком ауле появится талантливый поэт, разве он не достоин быть переведенным? Адалис, например, не зная языка, переводила аварских поэтов и перевела переводило. Прекрасные переводы Зявигиной с армянского языка. Аварцы восхищаются переводами Тихонова и спрашивают: почему он владеет их языком? А Линкин? Его переводы проникнуты духом писателя. Эти поэты глубоко чувствуют язык писателя, которых переводят — вот почему обуславливая их удачу. Если надо критиковать отдельные недостатки в переводах с языков народов СССР, то в целом работа поэтов-переводчиков заслуживает глубокого уважения и признания.

Далее, К. Султанов обращает внимание на одно отрицательное явление, ускорившееся в последнее время, в частности, в литературе Дагестана. Есть литераторы, пишущие о Дагестане по-русски. Их не печатают в центральных издательствах, но для них широко открыты двери в издательства Дагестана, хотя их произведения заслуживают самой жестокой критики. Примером могут служить книги Р. Фатуева, в которых увлечение автора псевдоэкзотикой приводит к искажению действительности.

С другой стороны, русские писатели, живущие в Дагестане, как, например, Трунов, беспредельно нещадно критикуют издательства. Они находятся под гнетом дагестанской газеты, которая объясняет недостаток их произведений тем, что они создавались в напряженных условиях. Но можно ли этим объяснять халтуру? Разве «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, или «Народ бесмертен» Гроссмана были написаны на курорте? Секрет тут прост — редактор газеты является тем же человеком, что редактировал книги Трунова и Фатуева. Это, разумеется, частный случай, но с такими явлениями мы обязаны бороться.

Необходимо, — заключает К. Султанов, — чтобы национальная комиссия Союза писателей, подобно областной комиссии, вызвала писателей с мест и участвовала в издательских государственных издательствах. Они находятся под гнетом дагестанской газеты, которая объясняет недостаток их произведений тем, что они создавались в напряженных условиях. Но можно ли этим объяснять халтуру? Разве «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, или «Народ бесмертен» Гроссмана были написаны на курорте? Секрет тут прост — редактор газеты является тем же человеком, что редактировал книги Трунова и Фатуева. Это, разумеется, частный случай, но с такими явлениями мы обязаны бороться.

Необходимо, — заключает К. Султанов, — чтобы национальная комиссия Союза писателей, подобно областной комиссии, вызвала писателей с мест и участвовала в издательских государственных издательствах. Они находятся под гнетом дагестанской газеты, которая объясняет недостаток их произведений тем, что они создавались в напряженных условиях. Но можно ли этим объяснять халтуру? Разве «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, или «Народ бесмертен» Гроссмана были написаны на курорте? Секрет тут прост — редактор газеты является тем же человеком, что редактировал книги Трунова и Фатуева. Это, разумеется, частный случай, но с такими явлениями мы обязаны бороться.

Необходимо, — заключает К. Султанов, — чтобы национальная комиссия Союза писателей, подобно областной комиссии, вызвала писателей с мест и участвовала в издательских государственных издательствах. Они находятся под гнетом дагестанской газеты, которая объясняет недостаток их произведений тем, что они создавались в напряженных условиях. Но можно ли этим объяснять халтуру? Разве «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, или «Народ бесмертен» Гроссмана были написаны на курорте? Секрет тут прост — редактор газеты является тем же человеком, что редактировал книги Трунова и Фатуева. Это, разумеется, частный случай, но с такими явлениями мы обязаны бороться.

Необходимо, — заключает К. Султанов, — чтобы национальная комиссия Союза писателей, подобно областной комиссии, вызвала писателей с мест и участвовала в издательских государственных издательствах. Они находятся под гнетом дагестанской газеты, которая объясняет недостаток их произведений тем, что они создавались в напряженных условиях. Но можно ли этим объяснять халтуру? Разве «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, или «Народ бесмертен» Гроссмана были написаны на курорте? Секрет тут прост — редактор газеты является тем же человеком, что редактировал книги Трунова и Фатуева. Это, разумеется, частный случай, но с такими явлениями мы обязаны бороться.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА Н. ПОГОДИНА И А. СУРКОВА

Затем выступили с заключительными словами Н. Погодина и А. Суркова.

Отвечая ряду ораторов, сделавших критические замечания по поводу отдельных положений его доклада, Н. Погодин категорически опровергает упреки в том, будто бы он излишне придирился к молодым драматургам. Н. Погодин подчеркивает, что в своих обвинениях по адресу А. Арутюнова и А. Глазкова он исходил исключительно из принципиальных идейно-художественных требований, предъявляемых сегодня к советской драматургии.

А. Сурков в своем заключительном слове отметил, что некоторые участники пленум справедливо упрекнули его за излишне бездельный доклад о поэзии. Эта бездельность явилась результатом стремления докладчика охватить большое количество литературных явлений. Вероятно, было бы более правильно ограничиться кругом отдельных творческих вопросов.

Преобладающая часть поэтов, — говорит А. Сурков, — вышла из войны, но только проверил себя гражданин, как люди с хорошей общественной закалкой, с широким и точным взглядом на будущее, но и проверил себя, как мастера поэты. Наш народ, победивший в войне, создал новый этап жизни, душа его — великая, благородная и ясная — была выражена в поэзии с полновольной глубиной и предельной широтой.

Затем с заключительным словом выступил Н. Тихонов.

Единодушно, дружными аплодисментами встретили участники пленума предложение послать приветствие товарищу Сталину.

столы в узбеки горят общей неапатичностью к врагам родины, стремлением к строительству новой жизни.

От имени ЦСЛ Латвии, Эстонии и Литвы К. Краулинис высказывает пожелание, чтобы правление ЦСЛ СССР командировало в краткие республик поэтов и прозаиков, которые, ознакомившись с языком, историей и нравами народов, серьезно занялись бы переводами произведений братских литератур. Национальная комиссия Союза писателей должна систематически рассылать в республиканские отделения литературы лучших произведений братских литератур. И наконец следует организовать выпуск ежемесячного бюллетеня, информирующего о важнейших явлениях литературной жизни республик Советского Союза.

Вопрос перевода был одним из основных и в выступлениях А. Усманова (Башкирия). Отсутствие переводов башкирской литературы на русский язык приводит к тому, что не только то много, что создано за годы войны, но и произведения выдающихся башкирских писателей — Сайфи Кудаша, Малджита Гафури, Рахмита Нигматии, Хамфи Карима — неизвестны широкому советскому читателю. Алтынах «Дружба народов» не отражает достояния полновольной поэзии, что делается в многонациональной советской литературе. А. Усманов поднимает вопрос о создании литературно-художественного журнала, который группировался бы квалифицированные писатели и молодые силы башкирской литературы.

А. Усманов информирует пленум о работе писателей Башкирии в дни Великой Отечественной войны.

Тов. Корнину (Молдавская ССР) останавливается на истории Молдавии и говорит о том, что тормозило процесс развития молдавской культуры. Он знакомит пленум с состоянием советской молдавской литературы, ее новыми произведениями пьес Л. Делуна и Андрей и Стелана, стихами Е. Букова, пьесой драматурга Барского, написанной по мотивам народного творчества с работой прозаиков Чабана, Кана и др. Тов. Корнину говорит о необходимости создания журнала.

В прениях принял участие И. Розанов, В. Герасимов. С большой речью выступил Д. Полжарков.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА Н. ПОГОДИНА И А. СУРКОВА

Затем выступили с заключительными словами Н. Погодина и А. Суркова.

Отвечая ряду ораторов, сделавших критические замечания по поводу отдельных положений его доклада, Н. Погодин категорически опровергает упреки в том, будто бы он излишне придирился к молодым драматургам. Н. Погодин подчеркивает, что в своих обвинениях по адресу А. Арутюнова и А. Глазкова он исходил исключительно из принципиальных идейно-художественных требований, предъявляемых сегодня к советской драматургии.

А. Сурков в своем заключительном слове отметил, что некоторые участники пленум справедливо упрекнули его за излишне бездельный доклад о поэзии. Эта бездельность явилась результатом стремления докладчика охватить большое количество литературных явлений. Вероятно, было бы более правильно ограничиться кругом отдельных творческих вопросов.

Преобладающая часть поэтов, — говорит А. Сурков, — вышла из войны, но только проверил себя гражданин, как люди с хорошей общественной закалкой, с широким и точным взглядом на будущее, но и проверил себя, как мастера поэты. Наш народ, победивший в войне, создал новый этап жизни, душа его — великая, благородная и ясная — была выражена в поэзии с полновольной глубиной и предельной широтой.

Затем с заключительным словом выступил Н. Тихонов.

Единодушно, дружными аплодисментами встретили участники пленума предложение послать приветствие товарищу Сталину.

Весь зал стоя, горячо аплодируя, принимает приветствие любимому вождю народов, великому полководцу, лучшему другу советской литературы Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Весь зал стоя, горячо аплодируя, принимает приветствие любимому вождю народов, великому полководцу, лучшему другу советской литературы Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Весь зал стоя, горячо аплодируя, принимает приветствие любимому вождю народов, великому полководцу, лучшему другу советской литературы Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Весь зал стоя, горячо аплодируя, принимает приветствие любимому вождю народов, великому полководцу, лучшему другу советской литературы Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Весь зал стоя, горячо аплодируя, принимает приветствие любимому вождю народов, великому полководцу, лучшему другу советской литературы Иосифу Виссарионовичу Сталину.

ГЕРОЙ-СОВРЕМЕННИК

Внимание передовых писателей советской страны сосредоточено сейчас на задаче образного воплощения четырехлетия тяжких трудов и битв, лишений и жертв, четырехлетия необикновенных свершений и замечательных побед. Художественная литература народа, чье мурожное значение и авторитет неизмеримо выросли за годы войны, имеет целью быть глашатаям социалистического общества. Литература социалистического реализма принесла в сокровищницу мировой литературы новое слово, слово о человеке, творце и создателе нового общественного строя. Теперь она должна рассказать о социалистическом человеке-воине, спасшем цивилизацию от фашистского варварства, о народе-освободителе, идущем в авангарде прогрессивной человечества. Образы нашей литературы могут стать символом века, живым и детально воплощенным духом социалистической эпохи.

Надвигаясь к концу, эта задача по плечу лишь художнику-новатору, способному уловить среди разнообразных фактов, процессов и явлений жизни новое и главное. Только такой художник может понять и разгадать в характерах людей существенные и типические черты, воспитанные нашим временем, отделить их от всего мелкого, случайного, проникнуть в смысл борьбы нового со старым.

История советской литературы свидетельствует о том, что лишь смелые новаторы становились ее лучшими мастерами. Таков Шолохов. Он рассказал в «Тихом Доне» и «Подвиге царицы» о страданиях и жестокости рождений нового и в социальной области, и в психологии человека, о гибели всего отжившего, о страданиях колхозников, межвоенного, о том, что в расцвете нового. Таков Александр Толстой, который назвал свою лучшую книгу «Хожdenие по мукам» и повестям о той же теме. Таков и А. Фадеев, который от первой книги, от «Разгром», до написанного в годы войны романа о героях-комсомольцах Краснодона «Молодая гвардия» отдает свой большой и зрелый талант сложной, многообразной и бесконечно трудной теме становления нового мира, воспитания новых чувств и характеристик людей социалистической эпохи. Новый роман Фадеева — замечательное явление искусства последних лет — говорит читателю об исторически неизбежном и моральной силе, стойкости и красоте нашего народа, об источниках нашей победы над фашизмом. Это роман о молодом человеке нашей страны, воспитанном советской эпохой, роман о преемственности большевистских традиций, безраздельном служении делу освобождения человечества. Олег Кошевой и другие герои «Молодой гвардии» — сыновья и внуки Левинсона из «Разгрома», Суркова и Алехи Маленкова из романа «Последний из уздег», это героические дети славных отцов. Молодого героя дерзуют и умирают за великую, уже реализованную в практической жизни идею, за воплощение которой боролся их дед и отец. Они сражаются за социализм, стальной стержнем которого является родной страна. В этом смысле исторический синтетизм Отечественной войны советского народа и ее отличие от гражданской войны, и здесь объяснение новизны характера человека военной эпохи. Герои «Молодой гвардии» росли и формировались под могучим влиянием идей Великого Октября. Перед их духовным взором была открыта благородная перспектива жизни в животной атмосфере советской культуры и общественного строя с его уважением к свободе и достоинству человека. Высокое чувство гражданского долга и бескорыстная радость общественного служения — органические черты их характера. Именно поэтому молодого героя не могли покинуть и не покинули насильно фашистских захватчиков и отнюдь не вступили в борьбу с опасным и бесчестным врагом. Они поднялись на него вместе со всем народом, который на тысячекратно-метровом фронте отразил волжское нашествие, и победили потому, что всей историей советской страны были подготовлены к победе.

У нас немало писателей, труд которых одухотворен новаторским стремлением. Работая в довоенные годы над художественным познанием своей эпохи, они создавали книги широкого социального плана, большой исторической силы, в которых жили и действовали люди новой формации, полные выразители духа времени. И вполне естественно, что именно эти писатели удалось в годы войны создать вернее, наиболее правдивые и яркие, конечно, в большей или меньшей степени, в соответствии с характером и силой их дарования. Разве не ясно, что творческие удачи В. Гюссмана в повестях «Народ бесмертен», «Жизнь» в рассказах о солдатах Сталинграда обусловлены и его работой в довоенные годы над образами зачинателей нашего исторического дела — рабочих большевиков-подпольщиков («Степан Колчугин») Кто же не поймет, что герой «Жизни» командир отряда Костицын или изображенный в ней старик-шахтер потому и удался писателю, что люди этого склада были в сфере его творческого внимания и в повести «Глоухаф» и в других его произведениях довоенной поры? Не очевидно ли, что «Клятва» Ф. Гладкова повествует о героическом подвиге, который должен был совершить в дни Отечественной войны «Эмигрант» — традиция романтического возмездия переживших людей рабочего класса, посвятивших труд, как радости жизни.

Нам следует глубоко продумать причины того, почему «Тимур и его команда» и «Р.В.С. Гадлера жили в годы Отечественной войны новой жизнью. Не потому ли, что Гадлер всегда умел различать среди жизненных явлений те, что сегодня еще существуют, но завтра умрут, и те, что сегодня только обозначились, но завтра станут главными и определяющими?

Когда повзрела торжественно написанная и формально несовершенная повесть В. Горбатова «Непокоренные», где проникновенно изображены душевный мир советских людей, привыкших чувствовать себя хозяевами своей страны и потому не могущих стать рабами оккупантов — народ принял и полюбил эту книгу. Он полюбил ее за новое, замечательное отношение к родне.

В повести П. Антокольского «Сын» поэтом создан образ юноши страны социализ-

ИСТОКИ МУЖЕСТВА

Надвигаясь к концу, эта задача по плечу лишь художнику-новатору, способному уловить среди разнообразных фактов, процессов и явлений жизни новое и главное. Только такой художник может понять и разгадать в характерах людей существенные и типические черты, воспитанные нашим временем, отделить их от всего мелкого, случайного, проникнуть в смысл борьбы нового со старым.

История советской литературы свидетельствует о том, что лишь смелые новаторы становились ее лучшими мастерами. Таков Шолохов. Он рассказал в «Тихом Доне» и «Подвиге царицы» о страданиях и жестокости рождений нового и в социальной области, и в психологии человека, о гибели всего отжившего, о страданиях колхозников, межвоенного, о том, что в расцвете нового. Таков Александр Толстой, который назвал свою лучшую книгу «Хожdenие по мукам» и повестям о той же теме. Таков и А. Фадеев, который от первой книги, от «Разгром», до написанного в годы войны романа о героях-комсомольцах Краснодона «Молодая гвардия» отдает свой большой и зрелый талант сложной, многообразной и бесконечно трудной теме становления нового мира, воспитания новых чувств и характеристик людей социалистической эпохи.

У нас немало писателей, труд которых одухотворен новаторским стремлением. Работая в довоенные годы над художественным познанием своей эпохи, они создавали книги широкого социального плана, большой исторической силы, в которых жили и действовали люди новой формации, полные выразители духа времени. И вполне естественно, что именно эти писатели удалось в годы войны создать вернее, наиболее правдивые и яркие, конечно, в большей или меньшей степени, в соответствии с характером и силой их дарования. Разве не ясно, что творческие удачи В. Гюссмана в повестях «Народ бесмертен», «Жизнь» в рассказах о солдатах Сталинграда обусловлены и его работой в довоенные годы над образами зачинателей нашего исторического дела — рабочих большевиков-подпольщиков («Степан Колчугин») Кто же не поймет, что герой «Жизни» командир отряда Костицын или изображенный в ней старик-шахтер потому и удался писателю, что люди этого склада были в сфере его творческого внимания и в повести «Глоухаф» и в других его произведениях довоенной поры? Не очевидно ли, что «Клятва» Ф. Гладкова повествует о героическом подвиге, который должен был совершить в дни Отечественной войны «Эмигрант» — традиция романтического возмездия переживших людей рабочего класса, посвятивших труд, как радости жизни.

Нам следует глубоко продумать причины того, почему «Тимур и его команда» и «Р.В.С. Гадлера жили в годы Отечественной войны новой жизнью. Не потому ли, что Гадлер всегда умел различать среди жизненных явлений те, что сегодня еще существуют, но завтра умрут, и те, что сегодня только обозначились, но завтра станут главными и определяющими?

Когда повзрела торжественно написанная и формально несовершенная повесть В. Горбатова «Непокоренные», где проникновенно изображены душевный мир советских людей, привыкших чувствовать себя хозяевами своей страны и потому не могущих стать рабами оккупантов — народ принял и полюбил эту книгу. Он полюбил ее за новое, замечательное отношение к родне.

В повести П. Антокольского «Сын» поэтом создан образ юноши страны социализ-

Вот что пишет автор: «Рогатка — оружие мальчишек. Девочкам полагается играть в куклы. Но девочка любила рогатку больше, чем куклы, она гордилась, что обращается с рогаткой, лучше многих мальчишек. У нее был тонкий и меткий глаз. Иногда камень из рогатки летел не в воробья, а в спину какого-нибудь босогоного выхристого Петра или Дороща».

Конст. Финн в рассказе «Ненависть» пожелал написать подвиги Героя Советского Союза Александра Дивочкина. Из рассказа узнаем, что в детстве Дивочкин был хулиганом, что он порвал яблоки в чужих садах. «Забрался на высокую яблоню и, заметив приближающегося старика-сторожа, прыгнул на него сверху, пуля его до потери сознания. На переходе Выхри-Кресненск-Коломна он забрался на крыши вагонов и соскакивал на полном ходу с поезда». Далее — «в детстве Дивочкин сиротно дрался с мальчуганами».

Из рассказа И. Арамилева «Над логовом врага» узнаем, что Александр Молодчик, ныне дважды Герой Советского Союза, в детстве «как и все дети лугавчан, любил игры, гонял голубей, лазил по чужим садам».

И это все!

Таких примеров очень много; я не стану здесь говорить о военной неграмотности авторов многих рассказов. Все это доказывает одно: трудно изображением неустрашающегося черта детского характера объяснить черты взрослого человека, упростить становление мужского характера, тем более — характера человека, отдающего себя земному родному. Мне кажется, что причины бесстрашия, самоотверженности людей заключены совсем в другом, и это другое не вскрыто многими нашими повествователями. Коренные свойства характера будущего героя — это результат сознательного воспитания молодого человека, твердого обучения его должному — от глубокого понимания им гражданского долга.

Бывает и так, что беллетрист или очеркист взамен одного Героя Советского Союза выводит, собственно, двух людей. А именно: этот герой до войны был вполне незаметным, очень уж тихим человеком, но попал на фронт, и вдруг, с ослепляющей многогранностью фрейерки, в нем зажглись все героические черты. По-моему, эта «ловкашка человека» не могла стать героическим, как и вообще в любом человеке не могут жить два строя мысли, два набора чувств, явно принадлежащих двум, друг с другом не знакомым людям.

Правильнее будет другая трактовка — человек и до войны крепко трудился и продолжил свой труд средствами боя и на фронте. Вообще я не верю, что герой состоит из «двоевойности» плюс б («военности» человека). Между этапами его жизни всегда есть органическая связь, и вот ее-то обнаружить со всей тонкостью — завидный удел писателя. Об этом мы никогда не должны забывать! Ведь только писатель и проникнет в душу человека.

Герой Советского Союза Малек Габдуллин

1883-Демьян Бедный-1945

Умер выдающийся русский поэт Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов).

Демьян Бедный родился в 1883 году в крестьянской семье. Больше тридцати пяти лет он беззаветно служил трудовому народу своим стихом, своим поэтом-революционером.

С первых шагов своей литературной деятельности Демьян Бедный тесно связал свое творчество с работой большевистской печати. Уже в 1910 году в стихах, баснях и фельетонах Демьяна Бедного, печатавшихся на страницах «Звезды» и «Грядущей», раскрылся его огромный и яркий талант поэта-трибуна, пламенного агитатора рабочего класса, остроумного, язвительного сатирика, неустанного борца за дело трудового народа.

После Великой Октябрьской социалистической революции во всю ширь развернулось творчество Демьяна Бедного. Его песни, стихи, басни, поэмы, его стихотворные подлисы к плакатам приобрели огромную популярность в народе. В годы гражданской войны Демьян Бедный находился в рядах Красной Армии, где вел с исключительной энергией и темпераментом агитационно-просветительную работу, воодушевляя бойцов Красной Армии на борьбу с интервентами и белогвардейцами.

Продолжателем лучших традиций русской гражданской поэзии, мастер стиха и тонкого юмора, великий знаток народной речи, Демьян Бедный стал одним из популярнейших поэтов. Миллионы советских людей знают и любят его стихи, песни и поэмы.

В годы социалистического преобразования нашей страны лучшие произведения Демьяна Бедного звучали страстным призывом к труду.

Вдохновенно, призывно звучал боевой стих Демьяна Бедного в дни Великой Отечественной войны со страниц «Грядущей» и других центральных газет. Его тексты к плакатам были пропитаны глубоким патристическим чувством, ненавистью к врагам, несокрушимой уверенностью в победе нашего народа, в правоте нашего дела.

Мы отразим врагов. Я верю в народ.

Несокрушимую тысячелетней верой — шло оно в трудные дни 1941 года. И много замечательных произведений создал Демьян Бедный на своем славном боевом пути. Советское правительство высоко оценило заслуги поэта перед народом, наградив его орденом Красного Знамени и орденом Ленина.

Стихи, поэмы и песни Демьяна Бедного долго будут жить в народе. Память о замечательном поэте-революционере навсегда сохранится в наших сердцах.

Н. Асеев, П. Антокольский, М. Алгерт, А. Базылевский, В. Базылевский, П. Бажов, С. Васильев, В. Вишневский, В. Вереснев, С. Вургуш, В. Горбатов, И. Гурьянов, Ф. Гладков, Ф. Гладков, Б. Долматовский, А. Жаров, И. Зарян, А. Игнатенко, В. Игнатьев, В. Игнатьев, В. Иванов, М. Исаковский, Л. Ильичев, А. Караванов, С. Кирсанов, В. Кожанович, В. Катаев, В. Кербашев, В. Лебедев-Кумач, Л. Леонидов, А. Лейтес, Ю. Либманский, Ю. Лукин, В. Луговской, С. Маршак, С. Михалков, С. Михалков, С. Нгуленко, С. Нгуленко, И. Писелев, П. Писелев, А. Прокофьев, Н. Погодин, М. Пришвин, В. Пастернак, Д. Рубальский, К. Симонов, И. Сельвинский, В. Савин, Л. Собольев, А. Сергеевичев, А. Сурков, Н. Тихонов, А. Тихонов, О. Фогель, Г. Хессин, С. Чикована, П. Чаплин, М. Шолохов, С. Шибанов, И. Эрнбург.

Демьян Бедный

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти выдающегося русского писателя, члена правления Союза писателей ДЕМЬЯНА БЕДНОГО (Ефима Алексеевича Придворова).

Сокровища украинского народного творчества

КИЕВ. (От наш. корр.) Мысль о составлении большого свода украинского фольклора была давней мечтой украинских ученых. Все, когда-либо опубликованное в украинском и не украинском изданиях по части украинского народного творчества, начиная с XVIII века и кончая нашими днями, собрано воедино, дополненное материалом, лежащим в рукописях, и личными записками составителя. Включены труды, не имеющие себе пока равных в советской фольклористике, не имеющих и прямых аналогов в фольклористике западноевропейской.

Президиум Академии наук УССР после рассмотрения работы комитетной комиссии решил выступить к изданию этого монументального труда.

То, над чем трудился прежде собирающий и Антоневича и Крушина до Антоновича и Драгоманова, от Чубинского и Гриневича до Франко и В. Гаватюка, предстанет перед нами специалистами, полными, любителями в единой, стройной, повневной структуре. Ее выход в свет станет большим культурным событием, обозначит науки об украинском фольклоре. А. Б.

На сессии пленума правления Союза советских писателей СССР. На снимке (слева направо): П. Бажов, В. Кербашев и Ф. Гладков. Фото А. Александрова (Фотохроника ТАСС).

О. БЕРГОЛЫЦ ПУТЬ К ЗРЕЛОСТИ

— Вот уже две недели, как мы живем победой, наступившим миром. Мы еще не совсем привыкли к нему, еще внезапно, вдруг, изумляемся ему, вспоминаем, что он наступил. До сознания как-то еще не совсем дошло то грандиозное, что свершилось на земном шаре. Огромный стремительный поток новых ощущений, новых сердец, как теперь надо жить и писать, чтоб достойно и всеобъемлюще воплотить, выразить сущность победы?

Как правило, когда говорят об «отставании литературы», имеют в виду отставание от событий, происходящих в данный момент. При этом упрек обращается не к оперативному отклику (очерку, статье, стихотворению), а именно к «большой» литературе.

— Что ж вы, товарищи, — говорит, например, писателю поборнику этой точки зрения, — пишете пьесу об обороне Москвы, когда уже взят Берлин? Отстали!

Нет смысла доказывать, что такое понимание «отставания» ничего, кроме вреда, искусство не приносит, и следует разбираться, что оно становится все менее популярным среди работников искусства. Страшно не это, а другое отставание, — отставание не от происходящего события, а отставание от духа, от сущности времени, в целом, от его ведущих эмоций, от смысла человеческих взаимоотношений, от морального уровня и нравственных норм своего современника.

Именно так отстает пьеса К. Симонова «Так и будет», хотя автор хотел не только идти вперед с событиями, но и опередить их, подчеркивая эти самые названные пьесы. В самом деле, что в основном происходит в пьесе?

Вот упрямое не украл, а сберег чуждым с вещами военнослужащего. Вот тому же военнослужащему дали десять дней пожить в его собственной квартире. В связи с этим пьесу о советском гуманизме, изображенном в пьесе. Но ведь то, что изображает Симонов, — элементарнейшая норма человеческого поведения, да еще при этом герои пьесы вовсе не находятся в таких условиях, как в пьесе, изображая элементарные нормы становления героическим поступком. Персонажи пьесы совсем не трудно вернуть полководцу его вещи, принять его у себя. Он выдерживает восторженно улыбаясь этой общепринятой нормой, он знает, что общепринятой нормой поведения советского воюющего человека, в связи с чем и отстает неероятно от этого человека, знающего подлин-

ные вершины самопожертвования, человека и сострадания. Да и от самого себя отстает. «Русские люди» с этой точки зрения куда современнее, чем «Так и будет»; эта пьеса проагитирует, по-студии стала бесспорно правдивой, потому не нуждаются в удивительных доказательствах. Тут, собственно, не о чем спорить, а значит, автору нечего и доказывать.

Пьеса М. Алгерт «Сказка о правде» повествует о времени, которое кажется нам сейчас невероятно далеким, — это сорок первый год, это страшный для обороны Москвы, когда она находилась в смертельной опасности. Но героиня пьесы — Зоя все время ищет и ждет «самого трудного». Все действительно трудное и героическое, что она делает ежедневно, кажется ей еще слишком малым, еще недостаточным по сравнению с тем, что должно свершиться. Жажда бескорыстно отдать максимум, непременно максимум сил общему делу — одна из самых благороднейших черт народа-победителя, его социалистический признак, условие и причина его победы. Не по этим ли нормам жила и воюя, дошли наши бойцы до Берлина и бросили Германию на колени? Пусть наивно и прямолинейно звучат те или иные места пьесы М. Алгерт — эти прямолинейность и наивность приемлемее, чем изобретенность фальши.

Я вовсе не считаю, что мы должны писать только об исключительных подвигах и героях типа Зои или Матросова, что будто бы нет средних и обыкновенных людей. Но мне кажется, что мы в свете опыта войны и победы как-то по-новому должны подходить и к героям и к обыкновенным людям. Отечественная война отличалась еще и тем, что в ней отсутствовали так называемые «серебряные герои». Люди отлично понимали, что они делали, они не жертвовали жизнью за эти годы. Даже у самого обыкновенного человека — самосознание личности. Характерно, что рост этого самосознания шел не через противопоставление личности — народу, а через слияние с ним, через самопожертвование и самоотречение. Маяковский писал в 1914 году «Каждый должен думать, что он — тот последний решительный исход борьбы. День осознания в себе правдой личности — день рождения нового человека». Насколько же эти слова справедливы по отношению к 41—45 гг.!

Советский человек, сознающий, как много от него зависит в ходе борьбы, уже находит свое воплощение в лучших произведениях нашей литературы, таких, как «Сын» Антокольского, «Василий Теркин» А. Твардовского. Самой покоряющей чертой Теркина является его естественное, органическое и вполне сознательное чувство ответственности не только за свои действия и поступки, но, так сказать, за действия и поступки всего народа, всего государства. Это свойство, рожденное и воспитанное в человеке советским, социалистическим строем, окрепло и безмерно выросло в годы войны.

Возможности изображения самых разнообразных и так называемых положительных и отрицательных характеров, возможностей, которые открывает перед писателем этот рост личности, — безграничны.

В величайшей трагедии окрестил, создала себя, ощутив свое право личности победителя. Она пережила столько много, столь небывалое, столь страшное и радостное, о чем нельзя молчать, что жаждет исповеди.

Характерно, опять-таки, что лучшие вещи нашей литературы, в первую очередь произведения лирической поэзии, трагедий и исповедий. Вновь сошлись на «Сына» П. Антокольского. Эта поэма очень трагична, — она не утешает, но зато она пишет и утешает исповедью, при этом не имеет ничего общего с сообщением мелких и незначительных бытовых подробностей о себе и своих родственниках, а право на исповедь имеют лишь души страстные и чистые. Потому что исповедь имеет дело с самыми основными, самыми глубинными и лучшими движениями и чувствами человеческой души. Чем беспощадней по отношению к себе, чем откровеннее и бесстрашнее расскажет об этом инженер человеческих душ, писатель, аккумулятор чужих чувств сотен и миллионов людей, — тем сильнее будет воздействие его произведения на читателя, на народ. Успехи статей и фельетонов И. Эрнбурга в том и заключается, что на протяжении всех лет войны это была страстная, страстная, бесстрашная исповедь человека, в которой люди узнавали себя.

Блок говорил, что лишь та книга лирики имеет право если не на бессмертие, то на многолетнюю жизнь, на которой можно написать: «Здесь человек горел». Мне кажется, что мы теперь не имеем права на иную лирику.

Существует тенденция, представители которой всячески протестуют против изображения и запечатления тех великих исповеданий, которые вынес наш народ в пелом и каждый человек в отдельности на пути к своей блистательной победе. Но зачем же обесценивать народный подвиг? И зачем же преуменьшать преступления врага, заставившего наш народ испытать столько страшного и тяжкого? Враг повержен, а не прощен, — поэтому ни одно из его преступлений — т. е. ни одно страдание наших людей — не может быть забыто. Означает ли это, как говорят некоторые, «воспевание страданий»? Нет! Воспевание страданий — это уже признание их несправедливости, их неограниченной власти над человеком, это утверждение пассивного, покорного отношения человека к страданиям. Но если возмущение, драматизм, изображение, как человек преодолел самое страшное страдание, как он вышел из него не сложенным, а обогатившимся, возможным, пусть менее радостным и бесслезным, чем был до этого, — как можно обвинять такого писателя в «воспевании страданий»? И как вообще, стремясь запечатлеть мужество советского человека-победителя, можно обойтись без изображения того, на чем это мужество проявилось? Слова нет, не просто и не легко написать исповедь, а тем более лирическую исповедь. Куда проще написать безобидные пейзажи — «доходней оно и прелестней». Но мы все бесконечно уважаем мужество. Василия Гладкова, не пошлавшего себя не победителем, а такой точностью и правдой описать страдания Треблинского ада. И читая эту, мы с новой силой переживаем величие победы, положившей конец этому аду...

Воспеть победу — это воспеть путь к ней. Воспеть мужество и единство 41 года, это воспеть мужество 9 мая 1945 года. Воспеть победу — это воспеть и легендарные, неповторимые подвиги советского человека, и его ратные, трудовые будни, и его возвращение к обычной простой мирной жизни, — не снижая это до возвращения к старой пшжане, а, наоборот, пронизывая даже обычные мелочи ощущением обновленного мира, возвращенного себе победителем во всей его ерничности, обогащенного всеми трагическими испытаниями, всем бесмертным счастьем победы.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Переводы произведений русской классической литературы на латышском языке появляются уже эпоху так называемого «национального пробуждения», т. е. в 60—70-е годы прошлого века. Но всеобщий интерес к русской беллетристике возникает лишь в 90-е годы, в одно время с пробуждением общественной активности латышского рабочего класса. Печатаются романы Тургенева («Дым») и «Дворянское гнездо», Достоевского («Преступление и наказание»), «Братья Карамазовы», рассказы Гаршина, Кожуленко, Чехова, Горького.

С приближением 1906 г. тяга читателей к русской литературе все усиливается. Она не ослабевала ни в черные годы реакции, ни во времена первой мировой войны, ни во времена буржуазной республики и фашистской оккупации.

Нет в русской литературе ни одного более или менее выдающегося писателя, который бы не был бы известен латышскому читателю. Нет ни одного латышского интеллигента, которому поэзия Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Маяковского не была бы знакома почти так же, как поэзия Райниса.

Не стану перечислять переводы советских русских писателей; эти переводы потоком устремились в латышскую литературу в 1940—1941 годах; издание их ныне возобновляется в быстром темпе.

За долгие годы своей литературной работы я довольно много занимался переводом с разных европейских языков на латышский. Часть этих переводов сделала много по заказу редактора или издателя. К такой категории относятся роман Клары Фибих «Крест на Цемне», «Книга о Сан-Микеле» Акселя Мунге и несколько романов Жюль Верна. По собственному влечению я с большим творческим интересом перевел «Красную лилию» А. Франса, «Саламбо» Флобера, «Венецианского купца», «Напрасные усилия любви» и «Комедия ошибок» Шекспира, «Профессия Кешеля Байрона» Б. Шоу и года полтора тому назад «Германию» Гейне, вышедшую на латышском языке.

Первый мой перевод с русского, — это анонимное помещенное в Хрестоматии латышского языка и озаглавленное «Пованья» из журнала «Латвия» в 1900 году и представляющее собой едва ли не первое напечатанное мое произведение.

Несколько позже, лет 20-ти, я перевел «Податая», — перевод был напечатан в литературном приложении к газете; когда он случайно попадает мне под руку, я его поспешно прячу подальше в ящик стола. Следующим моим переводом с русского был «Ревизор», над которым работал с увлечением, — комедия все время шла в латышских театрах и имела большой успех, нярязу с пьесами Чехова, Горького, Наишова и др.

Накануне 1940 года, когда фашистская политика Ульманиса достигла предела, я выпустил томик романистико-революционных произведений Горького под названием «Буревестник».

К Горькому я вернулся сейчас же после установления в Латвии советской власти. Условился с Государственным издательством насчет редактирования перевода полного собрания сочинений Горького, взялся написать для этого издания биографическо-критический очерк.

В последнее время я перевел несколько басен Крылова, еще неизвестных латышскому читателю, и на вечере Крылова читал доклад о жизни и деятельности великого русского баснописца. Доклад этот в расширенном виде выйдет как вступительная статья в полное собрание басен Крылова, издаваемого Латвийским госиздатом. Другой мой доклад, прочитанный на юбилейном празднике в честь 100-летия со дня рождения Крылова, посвящен как введению к только что законченному переводу «Горе от ума».

Личность и творчество Алексея Николаевича Толстого в нашей республике, до сих пор оставались малоизвестными. Мы ничего не знали о первом периоде его литературного развития. В латышском переводе не появлялось ничего из его фольклористических произведений, а равно из рассказов, рисующих быт и типы приволжских помещиков, вроде «Чудаков» и «Хромого баяна». Единственным переводом на латышский язык произведение Толстого в то время был приключенческий роман «Аэлита».

Во время фашистской диктатуры Ульманиса советская книга в Латвии считалась чрезвычайно опасной. Латвийский перевод всего запрещенного перешел мне «Петра Первого». Он не мог содержать своего восхищения романом Толстого и по возможности озабоченности его изданием на латышском языке. Я вполне разделял и его восхищение и желание, но привести в исполнение это желание было не так просто.

Глава «авторитарного» режима сильно недобролюбил переводную книгу вообще, будь она самого безобидного, явно политического характера. Так, между прочим, он после первого представления запретил «Юлия Цезаря» в нашем Художественном театре по той причине,

В. ПОТАПОВ

«Лев Гурыч Синичкин»

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ТЕАТРЕ КОМЕДИИ

Ведвиль долго отсутствовал на сцене наших театров. Так долго, что, цезию говоря, большинство актеров разучилось играть. И если ни вдруг приводилось выступить в сценической и намеренно легкомысленной пьесе, это выходило наутро, словно через силу.

Сейчас ведвиль, что называется, в ходу. С ним встречаются даже там, где не вполне его ожидают. Театр имени Вахтангова поставил «Мадмуазель Ницше». Называя это по привычке суждено оперетту, а по сути дела, получилась водевиль. Театр Красной Армии, полагая себя в «Синичкин», неожиданно грянул старой латышской «Копилкой». На афише значится комедия, а спектакль тем не менее клонит к водевилю.

Однако есть одно странное обстоятельство. Как только театру доводится иметь дело не с родственными водевилю мим водевилям, а непосредственно с самим ему опасной синиходностью, если не сказать — со смущением и робостью. Театр и тянется к водевилю и в то же время не верит в него. Стираются нежные и предостережительно бледные краски, забываются былые навыки и благородные предания жанра, и его долгодетная традиция теряет силу.

Наглядный пример — последний спектакль Ленинградского театра комедии. Поводом к нему явился хорошо знакомый русский классический водевиль «Лев Гурыч Синичкин». Именно — поводом, потому что от старой пьесы Лесковского остались в основном только фамилии действующих лиц и схема событий. На знакомую нить интриги как бы напизаны новые слова и характеры. Другая стала атмосфера спектакля. Его зрелищная форма, настроения и краски переместились в резкий, откровенный буффонный стиль. Это сделало порою грубоватым, вызывающе, без должного самоограничения и изящества, но по-своему занятно и талантливо. Режиссер и художник Н. Акимов вместе с актерами во-во, что называется, расшевелились в своей наход-

что в пьесе Брут убивает римского правителя, а этот правитель самым обстоятельным образом повелевает на нем верноподданных латышского цезаря. Насколько позже сей цезарь приказал конвоировать первого том переводных произведений Шекспира; среди них преступного «Юлия Цезаря» не было, но зато в числе переводчиков значилось и мое имя, которое считалось недопустимым в литературе «авторитарного» покаяния.

Мы с моим другом книгоиздателем Ансом Гульбисом долго размышляли над тем, как преподнести «Петра Первого» латышскому читателю и не навлекая при этом на фирму подозрения в злонамеренности. Наконец, нашли выход. Я перевел книгу, спрятавшись за псевдонимом Ольгерд Курмис (крот). Роман вышел в двух томах, но его покарал ульмановского режима критика и рецензенты ни словом не обмолвились о появлении книги.

Ал. Толстой ошутил и изучил петровский Русь с проницательностью настоящего ученого. Он сумел твердой рукой гениального художника отобразить все узанное и пережитое. Поэтому эпоха Петра, смена веков, уходящая в прошлое боярская Русь и рождающаяся в муках новая Россия так ярко и живо предстают перед нашими глазами.

Толстой не идеализирует и не порочит главного героя. Притом Толстой сумел оставить фигуру этого великана так, что она ничуть не затмевает собою других, имеющих свое неотъемлемое место в грандиозной картине романа.

Имею основание считать свой перевод «Петра Первого» по крайней мере удовлетворительным. Латышский язык по своему своему складу и по грамматическим формам так близок к русскому, что ямба Прозодеева и гробкая классическая русская поэзия мне дается гораздо легче, чем, например, стих Шекспира или вольные амфибрахия «Германия».

«Петр Первый» имел некоторые воздействия и на мою личную литературную работу. Незадолго перед началом работы над переводом я закончил большой исторический роман в двух частях — «Первая ночь», из жизни и быта латышского крестьянства конца XVII и начала XVIII в.

План продолжения «Первой ночи» был у меня почти готов, когда я взялся за перевод «Петра Первого». С каждой следующей главой росло мое увлечение работой: в общем понимании исторической эпохи, в приемах изображения походной и обывательской жизни, в характеристике действующих лиц Толстого я нашел так много общего со своими собственными интересами и приемами, что мне почему-то показалось возможным несколько изменить план задуманной работы и начать продолжение «Первой ночи» именно с того места, где Толстой закончил вторую книгу своего романа. Так появился третий том моей исторической эпопеи (под общим заглавием «На грани веков») «На границе Эстонии».

Фактический материал для последней части своего произведения я заимствовал из обиметного тома «Журнала царя Петра Великого», «редактированного» рукой самого императора и изданного Екатериной Второй, — приблизительно так гласило заглавие книги, случайно попавшей в мои руки из разворованной немецкими оккупантами в 1918 году библиотеки графа Шувалова в Руудальском замке (Курземе). Журнал представляет собою дневник Петра Первого; в нем подробно, в хронологическом порядке, отмечены мельчайшие события последних лет борьбы русского царя с Карлом XII. Особенно подробно описана осада, бомбардировка, штурм и взятие в 1710 году Риги русскими армиями. Хроника дала мне нужную историческую канву для романа «У ворот Риги».

«Хожение по мукам» я прочел в первые месяцы после эвакуации из Латвии в 1941 г. Для меня было ясно, что необходимо перевести и это произведение Толстого на латышский язык. Взяться за перевод помешали мне различные обстоятельства, в частности спешная публицистическая работа и работа над историческим романом «Зеленая земля».

Итак, говоря о художественных достоинствах произведения Александра Толстого. Широко и мастерски изображен Толстым торжество русского трудового народа, послужившее хорошим уроком для трудящихся Латвии, которые только сейчас по-настоящему приступили к строительству своей Советской Социалистической Республики.

В. ПОТАПОВ

«Лев Гурыч Синичкин»

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ТЕАТРЕ КОМЕДИИ

Ведвиль долго отсутствовал на сцене наших театров. Так долго, что, цезию говоря, большинство актеров разучилось играть. И если ни вдруг приводилось выступить в сценической и намеренно легкомысленной пьесе, это выходило наутро, словно через силу.

Однако есть одно странное обстоятельство. Как только театру доводится иметь дело не с родственными водевилю мим водевилям, а непосредственно с самим ему опасной синиходностью, если не сказать — со смущением и робостью. Театр и тянется к водевилю и в то же время не верит в него. Стираются нежные и предостережительно бледные краски, забываются былые навыки и благородные предания жанра, и его долгодетная традиция теряет силу.

Наглядный пример — последний спектакль Ленинградского театра комедии. Поводом к нему явился хорошо знакомый русский классический водевиль «Лев Гурыч Синичкин». Именно — поводом, потому что от старой пьесы Лесковского остались в основном только фамилии действующих лиц и схема событий. На знакомую нить интриги как бы напизаны новые слова и характеры. Другая стала атмосфера спектакля. Его зрелищная форма, настроения и краски переместились в резкий, откровенный буффонный стиль. Это сделало порою грубоватым, вызывающе, без должного самоограничения и изящества, но по-своему занятно и талантливо. Режиссер и художник Н. Акимов вместе с актерами во-во, что называется, расшевелились в своей наход-

Иллюстрация художника Д. Шмарнинова к книге С. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (Детгиз).

Памяти К. А. Тренева

24 мая на Ново-Девином кладбище состоялось захоронение урны с прахом Константина Андреевича Тренева.

У могилы — писатели, друзья и родные покойного.

Чувством глубокой любви к Константину Андреевичу наполнены прощальные слова Б. Ромашова и Н. Погодина.

В 3 ч. 30 м. дня урны с прахом К. А. Тренева опускается в могилу.

Москва, Союз писателей «Литературная газета»

Писатели Азербайджана скорбят вместе с вами о тяжелой утрате — смерти выдающегося русского писателя-драматурга Константина Тренева, автора «Любови Яровой», в течение многих лет не сходящей с нашей сцены и высоко ценимой азербайджанским зрителем.

Председатель Союза писателей Азербайджана СУЛЕЙМАН РАГИМОВ.

Две книги о защитниках родины

В Государственном издательстве УССР вышла книга «Герои 3-го Украинского» — о Героях Советского Союза, бойцах и офицерах 3-го Украинского фронта, прошедших славный путь от Сталинграда до Вены.

Книгу открывает статья маршала Советского Союза Ф. Толбухина, рассказывающая о героических делах фронта. В сборнике приняли участие П. Тычина, М. Рыльский, В. Сосюра, П. Панч, И. Ле, П. Усенко, П. Северов, М. Тардов, А. Трипильский, Р. Скоморовский, А. Новицкий, М. Шумило.

В Украинском издательстве «Советский писатель» выходит альманах «На защите неба родины».

В альманахе помещены рассказы, очерки и стихи о бойцах и командирах всех частей войск, входящих в состав летно-воздушной обороны, защищавших небо над Сталинградом, Курском и Киевом.

Альманах составлен из произведений М. Бажана, М. Рыльского, Ю. Смолина, Л. Первомайского, А. Копыленко, О. Вышин, Я. Горюнского, М. Тардова, Н. Строковского, С. Голубановича, Н. Нагибицы, В. Кучера, И. Кологойды и др.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Вышел из печати и разошелся подлинный четвертый том собрания сочинений М. Горького (издание тридцатое). В нем опубликованы произведения, написанные в 1906—1907 гг. ина публицистических статей — «В Америку» (статья Жюль Верна), «Дарство гусиным», «Мой интервенция» («Русский парв», «Прекрасная Франция» и др.), а также повесть «Мать», пьеса «Враги». Редакция текста и примечания И. Тручина.

Научный сотрудник Института лингвистического и исторического языка, литературы и истории Н. Понов составляет большой (из пятнадцати листов) русско-узбекский словарь. Он же работает над составлением карманного узбекско-русского словаря для широкого практического характера.

Азиз ШАРИФ ВЫДАЮЩИЙСЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К 75-летию со дня рождения Абдурагима Ахвердова (1870—1933)

В современной азербайджанской литературе ред одно из видных мест по праву занимает Абдурагим Ахвердов. Чуткий к веяниям времени, Ахвердов в девятых годах прошлого века отразил в своей первой драме «Разное гнездо» подъем крестьянского движения. В 1901 году Ахвердов в драме «Несчастный юноша» создал образ молодого человека, смело становящегося на защиту трудового народа. Герой пьесы Фархад оказался «несчастливым» только потому, что выступил преждевременно. Фархад был разведен враждебным обществом, он погиб, не достигнув цели, но его идеи, его горячие призывы к справедливости восторжествовали позже, когда их подхватили трудящиеся массы.

Абдурагим Ахвердов, как и основоположник азербайджанской драматургии М. Ахундов, во всех своих произведениях ставил большие социальные вопросы. Накануне революции 1905 года Ахвердов пишет символическую драму «Волшебница Перя», в ней он ставит вопрос о личном счастье человека. С большим мастерством Ахвердов показывает невозможность счастья там, где господствует власть денег, где нет личной свободы, где зло всемогуще. Одинокий бунтарь-крестьянин Курбан гибнет так же, как погиб бунтарь-интеллигент Фархад, пытавшийся бороться в одиночку, без поддержки масс.

Путь, пройденный драматургом Ахвердовым до 1905 года, привел его под знамена революции.

После революции 1905 года Ахвердов стал сотрудником журнала «Молла Насреддин», вокруг которого сплотились передовые силы азербайджанской интеллигенции во главе с Джалилом Мамед Кули-заде и Мирза Алекбер Сабиром. Крепко, на всю жизнь связавшись с журналом, Ахвердов перешел от драматургии к прозе.

В прозаических произведениях, оставшихся два тома под названием «Мои оленя» и «Письма из ада», Ахвердов, следуя сатирическому стилю «Молла Насреддина», беспощадно бичевал эксплуатацию, насилие, невежество, мелочную ограниченность. Выдающийся общественный деятель, получивший образование в Петербурге и связанный с передовой русской культурой, депутат I Государственной думы, разогнанной царским правительством, создатель первого кружка агитов, организатор концертов и театралных представлений, режиссер и дирижер первой азербайджанской оперы Узеира Гаджибекова («Лейли и Меджнун»), Абдурагим Ахвердов своим неутомимым трудом немало содействовал развитию культуры Азербайджана.

Победа социалистической революции в Азербайджане открыла перед Ахвердовым широкие творческие возможности. С первых же дней установления советской власти в Азербайджане Ахвердов на руководящей работе в области искусства и литературы: он долгое время возглавлял отдел искусства при Наркомпросе и писательскую организацию.

Деятельность советской азербайджанской литературы и искусства Ахвердов помогал своим советами, воспитывал их в духе беззаветной любви к освобожденной родине, к возрожденному для новой жизни народу. В то же время Ахвердов написал несколько драматических произведений, в том числе две большие пьесы, показывающие прошлое и настоящее азербайджанского народа.

На прозе Ахвердова, несомненно, сказало влияние А. П. Чехова, которого он горячо любил и с большим умением переводил на родной язык. Ахвердов оставил после себя большое литературное наследство: драматические произведения, рассказы, повести, либретто, публицистические статьи, имеющие важнейшее значение для изучения истории азербайджанского искусства. Абдурагим Ахвердов был и остается одним из самых любимых художников азербайджанского народа, который чтит его как своего лучшего друга всегда деловитого и с ним в горе и радости.

ЧЕСТВОВАНИЕ М. ШОЛОХОВА

Жители станции Венешской 24 мая торжественно отметили сорокалетие со дня рождения своего земляка — писателя М. Шолохова. В районном Доме культуры состоялось собрание трудящихся Венешского района, в котором приняли участие партийные и советские работники, колхозники, сельская интеллигенция, Тов. Луговая, преподавательница Венешского педагогического училища, сделала доклад о жизни и творчестве М. Шолохова. Писатель, встретивший день своего юбилея в родной станции, рассказал собравшимся о своих творческих планах.

В заключение состоялось концерт. На нем юбиляра со всех концов страны поступило много приветственных телеграмм.

Поэзия братства

В Колонном зале Дома союзов под председательством Н. Тихонова состоялся 23 мая вечер «Поэты народов СССР». Лучшие поэты Советского Союза выступили перед московской аудиторией. На разных языках звучали поэтические строфы о победе, о доблести и славе советских воинов. Поэт армянского народа Навири Зарян выразил общие чувства, сказав: «Я участвовал на многих литературных вечерах, но этот вечер для меня особый. Здесь выступили поэты всего Союза — это меня радует и волнует».

На вечере выступили: Самед Вургун, А. Твардовский (глава из поэмы «Василий Теркин» — «Смерть и война»), Евг. Долматовский (стихи о победе, написанные в 1942 г.), Берты Кербасова, Петрус Бровка, Сабит Мухамедов, М. Рыльский, Али Токомбаев, Симон Чикованов. В заключение С. Михалков прочитал свои басни.

Новые журналы

РИГА. (От наш. корр.). Вышел из печати № 3-4 литературно-художественного журнала «Карго» («Знамя»), органа Союза советских писателей Латвийской ССР. Номер открывает статью Андрея Упитса «Путь в советскую литературу» — о ближайших задачах латышской советской литературы.

Широко представлена в номере современная латышская проза: рассказы И. Леманиса — «Клятва», Я. Грантса — «Возвращение сержанта Крукиса», Я. Суабраляса — «Миниаторы», А. Григулис — «Духаие одинх суток» и Я. Ниедре — «В глубине ночи».

Налечтаны также впервые переведенные на латышский язык рассказы Ник. Тихонова — «Советский простой человек» и А. Толстого — «Рассказы Ивана Сураева».

В разделе поэзии помещены «Песня о Ленине» — Ю. Вангаса, баллада Адамсона «Последний путь одного полководца», несколько фронтных лирических стихотворений Валдиса Луска, а также стихи Балодиса, Рудзитиса и др.

ДЗАУДЖИКАУ. (От наш. корр.). После четырехлетнего перерыва снова начал выходить в свет литературно-художественный журнал «Мах Дуг», орган Северо-Осетинского отделения Союза писателей. Первый номер журнала открывается «Словом трудящихся Северной Осетии товарищу Сталину» в связи с 20-летием юбилея Северной Осетии (исторической обработки И. Джанаева). В журнале напечатаны стихотворения Кайтукана, Ардасанова, Пинева, Джанаева, Елкиева, Вацаева и др.

Проза представлена рассказами Джатиева «Честь осетина» — о морской битве, активно участвовавшей в обороне Владикавказа, Бесаева «Таинственный гость» и др.

Готовится к печати второй номер журнала.

Портрет писателя Азиза Шарифа.

Открытое письмо Жан-Ришар Блоку в Париж

Дорогой мой Жан-Ришар Блок, прекрасный писатель-современник и горячо любимый друг!

Прежде всего я хочу поздравить вас и вашу жену с победой, с окончательным разгромом фашистско-немецкой армии. История снова перевернула свою страницу, залитую кровью и обугленную пожарами. Перед народом Парижа так же, как перед народом Москвы, начинается эра мирного развития.

Услышав голос москвича, вспомните, дорогой друг, о тяжелых и счастливых днях, которые вы провели в нашей стране. Вспомните, как вы разделяли с нами горечь отступления осенью сорок первого года и радость победы под Москвой в ту же зиму. Вспомните, как уже гораздо позже, в затененной московской комнате, мы вместе слушали рассказ Николая Тихонова о провальной ленинградской блокаде, а сводка Информбюро, переданная в полночь по радио, так победу продолжила этот рассказ. Вспомните, наконец, как в номере московской гостиницы вы открыли красным карандашом на карте продвижение союзных армий в глубь вашей родной Франции.

Все это было, все это уже далеко позади, и вот уже стало историей, страшной воспоминанием.

А сегодня между нами — вместе сотни километров. Но так же, как короткая радиоволна не считается с расстоянием, дружеский и живой контакт, одушевляющее ваше московское собеседие, дойдет до вас во всей полноте. Помните же мой привет.

Только что в Москве кончился пленум правления Союза советских писателей. В знакомую вам большую залу нашего клуба набилось много множество народа, сюда сошлись и москвичи, и ленинградцы, и украинцы, и грузины, и делегаты из Средней Азии, и из Прибалтики. Значительность этого собрания определяется уже одной значительностью этих исторических дней победы. Разговор шел о том, что мы сделали в дни войны, и о том, что должны делать дальше.

Речь шла и о морально-политическом разгроме фашизма. Ведь эта задача волнует сейчас каждого честного человека в Европе. Уйдя из действующей истории, фашисты пытаются ополчиться на дальних подступах к ней. Они разрослись свое подполье в защитно-миролюбивые цвета и прикинулись домашними травоядными скотами. Это не безграмотные дураки. Только поколениями ими молодежь безграмотна, а эти взрослые и пожилые доктора Иещи и Марбургса сами провалили силки в духе Ницше и Шпенглера, они знают многое и помнят все. Они еще собираются разгуливать по всем городам мира, похищая сигареты в золотых зубах, собираются проникнуть в церкви и на мирные конференции, в театры и на столбы газет. Эти великие, восторженные, осведомленные господа еще много вотурят в ловчие, множество мозгов затуманят они своей казуистикой, расовой ненавистью, обещанием наживы, — чорт их знает, чем еще!

Вот о чем следует помнить всем нам в первую очередь! И конечно же, писатели могут принести не малую пользу своим современникам хотя бы одним верным и добросовестным изображением ситуации.

Передайте этот мобилизующий призыв из Москвы вашим собратьям, которые стоят рядом с вами и плечом к плечу с вами борются за правду. Здесь речь только о ней, о правде.

Вы знаете, я уже далеко не молодой. Но я хочу познаться вам в одном убеждении: жизнь абсолютно прекрасна. Она настолько прекрасна, что ей стоит предьявлять самые трудные, максимально напряженные «ребования. Честное слово, она их выдержит. Она не раз уже это доказала нам.

Вот почему у нелегкой борьбы, которая предстает всем нам сегодня и завтра, может быть только один исход, predeterminedный самой жизнью. Этот исход — победа. Идеальная зарплата фашизма так же капитулирует, как капитулировала его железная империя.

У поэтов нашего времени, на каком бы языке они ни писали, есть одна только достойная муза. Это История. Кажется, греки называли ее Клио. У нее светлая голова, зоркие очи, хороший грудной голос, гордая и спокойная осанка. Впрочем, она и летит временами, — так что только крылья трещат за спиной и гудит в ухах разворванный ураганом воздух. Больше ста лет назад юный Виктор Гюго говорил о ней:

Собрав останки бурь с их вечного почла, Следит во всех морях отважного пловца И видит все зародыш блага и до блага. Могла первую и колыбель кошла!

Пусть же по хорошему обычаю на этой стихотворной цитате обернется моя бездельная проза.

Горячо желаю вам здоровья и бодрости, дорогой наш друг! Передайте привет москвичей прекрасным парижанам и парижанкам, и особо сердечный — вашей жене. Обнимаю вас.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

СТАРАЕ УДОБЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ СССР

ГОССТРАХ

СТРАХОВАНИЕМ ЖИЗНИ В ГОССТРАХЕ МОЖНО ОБЕСПЕЧИТЬ СЕБЯ

- при дожитии до определенного возраста,
- при инвалидности, происшедшей от несчастного случая;
- СЕМЬЮ И БЛИЗКИХ
- в случае преждевременной смерти застрахованного.

Страхования заключаются на любую сумму

Для заключения страхования и за всеми справками обращайтесь в инспекции Госстраха или к страховым агентам.